

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КУЛЬТОВЫХ ПАМЯТНИКОВ

З. Д. Викторова,
кандидат исторических
наук,
старший научный
сотрудник отдела
археологии и этнографии
Института истории и
археологии УрО РАН

В 2010 г. в Ханты-Мансийске проходил Международный III Северный археологический конгресс. В его составе работала секция, на которой основные доклады и выступления были посвящены проблеме сакрального пространства культовых памятников Северной Евразии. По окончании весьма оживленного обсуждения заведующий кафедрой археологии Санкт-Петербургского университета профессор Д. Г. Савинов предложил участникам секции продолжить разработку этой проблемы, используя археологические материалы своих регионов.

При рассмотрении культовых памятников Зауралья данная проблема стала основной на ближайшие три года в работе сектора каменного века и археологического источниковедения Института истории и археологии УрО РАН. Этой теме посвящена данная статья.

Методологические основания анализа

Пространство-время как всеобщее свойство мира, окружающего человека, начиная с античного времени рассматривалось на всех этапах истории философии. Современный взгляд на проблему сложился в XX в., когда после появления теории относительности разрушилась концепция И. Ньютона об абсолютном пространстве и абсолютном времени. В отечественной науке начало новому взгляду на пространственно-временной континуум положил В. И. Вернадский.

Статья В. И. Вернадского по данной проблеме вышла в 1930-е гг. и затем была включена в его монографию «Философские мысли натуралиста» (1988). В своих рассуждениях и выводах автор опирался на обширную историографию вопроса, начиная с эллинизма и до Л. Пастера, П. Кюри и А. Эйнштейна. Импульс к новой постановке проблемы В. И. Вернадский видел в теории относительности¹.

Для раскрытия нашей темы принципиальное значение имеют следующие выводы автора. Пространство – время неразрывно связаны между собой и являются всеобщим свойством мегамакромикромиров². Пространственно-временной континуум имеет общие характеристики для живых и неживых тел: структурное строение, наличие осей симметрии. Автор отметил и четкое их различие. Нежи-

вые тела находятся в покое, их внутреннее состояние однородно, время обратимо. Для живых организмов характерно движение, они обладают разными состояниями и свойствами. В отличие от симметрии и геометризма евклидова пространства неживых тел специфику живых организмов составляют кривые линии и поверхности, дисимметрия и резко выраженные левизна и правизна³. Время живых организмов необратимо. Автор для его обозначения употребляет термин «эволюционное время»⁴. Основной вывод В. И. Вернадского: в состав евклидова трехмерного пространства включены дисперсные многомерные пространства Римана – пространства живых организмов⁵.

В те же 1930-е гг. появилась разработка проблемы пространства-времени применительно к художественному и частично мифологическому творчеству в работах М. М. Бахтина. В них автор обозначил неразрывность пространства и времени в духовной сфере термином «хронотоп»⁶. В мифологии раннеземледельческого общества, по мнению автора, хронотоп возник как отражение реальных процессов на коллективно-трудовой основе. При рассмотрении этого тезиса под углом зрения идей Вернадского первой специфической чертой хронотопа будет отражение в нем геометрического

¹ См.: Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 220.

² См.: Там же. С. 222.

³ См.: Там же. С. 264–265.

⁴ Там же. С. 232.

⁵ См.: Там же. С. 279.

⁶ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234.

Рис. 1. Тоннель Палатки I у подножия острова Каменные палатки. Перекрытие фигуры в виде головы медведя до расчистки

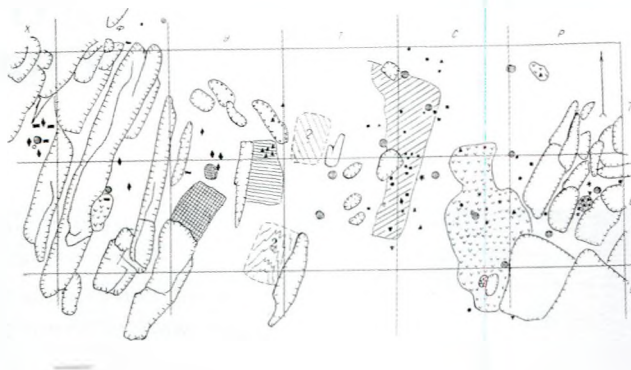

Рис. 4. Памятник Палатки I. План святилища эпохи неолита. В южной стороне по центру видны остатки площадок для лиц, совершавшего обряды. В восточной части святилища у следов костровищ ямки от столбов образуют линию Ю.-С.

Рис. 2. Тоннель Палатки I. Фигура у входа в тоннель после расчистки

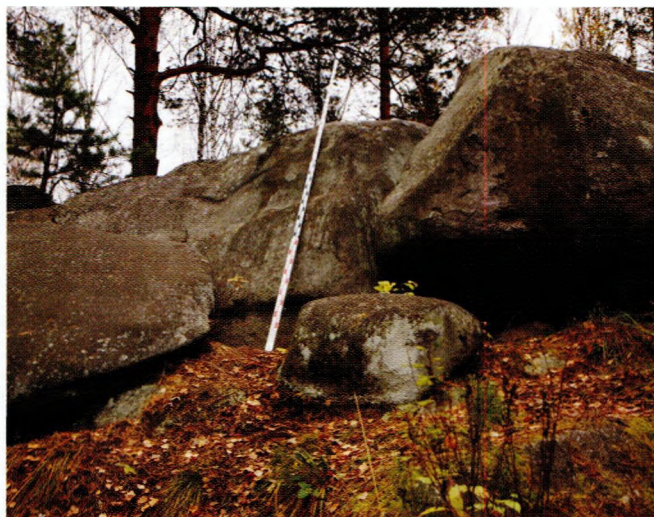

Рис. 5. Памятник Вершина I на Западной гряде острова. Фигура в виде рогов расположена к востоку от святилища эпохи неолита

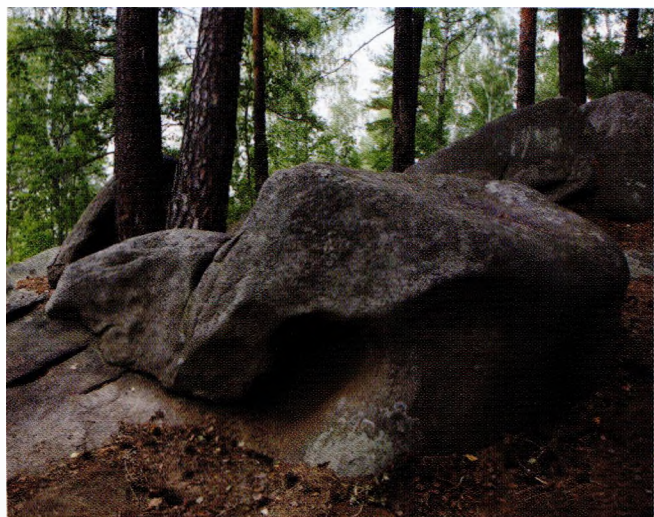

Рис. 3. Памятник Вершина I. Святилище у рукотворной фигуры в виде хищной птицы. На спине фигуры выдолблена чаша

Рис. 6. Змеиные горки. Менгир отмечает направление пути к культовому месту

Рис. 7. Памятник Палатки V. Культовое место у природной фигуры, имеющей у местного населения название «череп»

Рис. 10. Памятник Вершина I. Святилище эпохи мезолита. Объект почитания в виде фигуры медведя

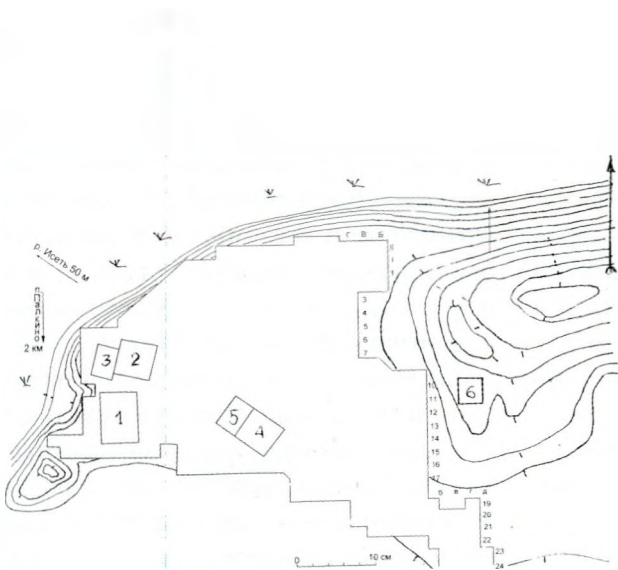

Рис. 8. Памятник Палатки I. От объектов поселения эпохи мезолита прослеживается путь к востоку по направлению к мысовидному выступу и далее — к северу по ложбине между двумя выступами

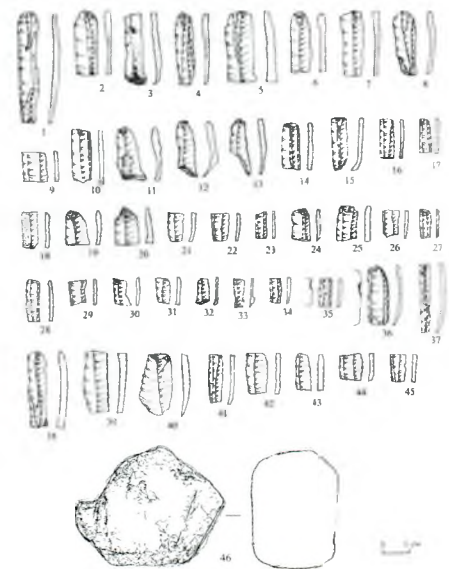

Рис. 11. Памятник Вершина I. Жертвенные предметы со святилища — микропластины. Фигура, похожая на голову медвежонка

Рис. 9. Памятник Вершина I. На восточном склоне возле природной фигуры, напоминающей медведя, дорога заворачивает на запад к площадке святилища

Рис. 12. Памятник Вершина I. Пятно линзы почвы с содержанием порошка охры в восточной части святилища

евклидова пространства природных циклов и хозяйственных, а также биологических циклов риманова многомерного пространства в процессе движения – деятельности социокультурных обществ. Эта идея весьма плодотворна для понимания того, почему в строительстве и древнем искусстве использовались как геометрические, так и кривые плоскости и линии и важное значение имела правизна и левизна.

Бахтин выделил особую значимость в художественных и мифологических текстах понятия «события» – дискретную деятельность коллектива в определенном хронотопе. В циклическом пространстве-времени природных явлений и биологических циклов человека чередование событий образует временной ряд, имеющий не линейное, а скачкообразное развитие⁷. Скачок связан со следующей специфической чертой хронотопа – *метаморфозой* (превращение героя в медведя, птицу, лягушку; превращение черепка сосуда в кольцо и пр.).

Бахтин отметил еще одну особенность мифологического хронотопа, *инверсию*, – перестановку времени, иначе говоря, обратимость времени. В мифологической картине мира, в обряде, в мифе инверсия – это возврат к событиям прошлого. С инверсией связаны ритуалы обращения к предкам-тотемам, космологические мифы о происхождении мира, земли, человека. Важна идея автора о различии хронотопов разных эпох и жанров.

В работах как В. И. Вернадского, так и М. М. Бахтина, несмотря на встречающиеся термины «структура», «композиция», все же характеристика пространственно-временного континуума остается довольно абстрактной.

Новый этап обращения к проблеме приходится на 1960–1970-е гг. и связан с разработкой теории систем. Следует отметить, что обоснование диалектического принципа взаимосвязи и взаимодействия также проходило через всю историю философии, начиная с античного времени. Философский принцип взаимосвязи и взаимодействия всех дискретных явлений микромакромира стал основой теории систем, т. е. он может служить

методологией анализа любого явления окружающего мира. В ходе разработки теории были определены основные категории системного подхода: система, элементы, структура.

Важнейшими свойствами систем являются целостность и относительная самостоятельность. *Целостность* означает, что в ней важен каждый элемент настолько, что при его потере система как развивающийся организм прекращает существование. *Относительность* заключается в *иерархической взаимосвязи* между системами различного уровня. Конкретная система может быть элементом системы более высокого уровня, в свою очередь, каждый ее элемент – система более низкого уровня. Самостоятельность *сложной* системы живых организмов заключается в ее самоорганизации и саморазвитии. Временной азимут *саморазвития* сложной системы представляет собой ее начало – расцвет – угасание и переход в другую систему, более высокого или низкого уровня⁸. Многократная проверка методологии, основанной на теории систем, осуществлялась в ежегодниках, выходивших в течение более 10 лет⁹.

Продолжением разработки теории систем стали работы по синергетике¹⁰. Для уяснения специфики пространственно-временного континуума применительно к археологическим исследованиям важно четкое разграничение И. Пригожиным простых закрытых и сложных открытых систем. Простые системы линейны, устойчивы, равновесны, время в них обратимо, источник движения лежит вне системы. Сложные биологические и социальные системы объемны, неустойчивы, неравновесны, источник развития лежит внутри системы. Особое внимание автор обратил на стрелу времени: время сложных систем необратимо.

Системный подход к археологическим исследованиям

Возникает естественный вопрос: корректно ли применять принцип системности к анализу археологических памятников? Ведь из системы реально существовавшей конкретно-исторической общности прошлого исчезли такие важные эле-

⁷ См.: Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. С. 264.

⁸ См.: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Основания и сущность системного подхода. М., 1975.

⁹ См.: Системные исследования: методологические проблемы // Ежегодник. М., 1981.

¹⁰ См.: Пригожин И., Стенгерс Н. Порядок из хаоса. М., 1994.

менты, как люди и нормы их поведения; из элемента «вещная среда» исчезли деревянные объекты и предметы, а из элемента «знаки» выпала человеческая речь, язык – первичная знаковая система. В таких фрагментах систем – вещах, объектах, знаках и их взаиморасположении – исследователь имеет дело не с развивающейся системой, а с отражением ее как бы застывшего среза, стоп-кадра. На первый взгляд археолог имеет дело с неразвивающимися, замкнутыми, конечными системами. Их конец чаще всего выражается в перекрытиях остатков обряда/обрядов. Так, рядом со входом в тоннель Палатки I население липчинской культуры эпохи энеолита трижды перекрывало землей следы жертвоприношений у подножия фигуры в виде головы медведя, сама голова была засыпана мелкими камнями с землей (рис. 1, 2). Подобные факты известны с культовых памятников эпох неолита, бронзы и раннего железного века.

Итак, археолог располагает лишь следами и остатками былых развивающихся систем. Но при этом в пространстве археологических памятников, в их местоположении, взаиморасположении объектов и артефактов сохраняется такое свойство систем, как *иерархичность*. Относительно самостоятельной *системой* в свое время была историческая общность – община. Она являлась *самостоятельной* в хозяйственном отношении. Но самостоятельность была *относительной*, так как родовая группа общины была связана семейно-брачными отношениями с родовой группой общины другой фратрии. В археологическом отношении община как система представлена *элементами*: поселением, мастерскими, некрополем и культовыми комплексами. С одной стороны, она была элементом системы более высокого порядка – этносоциальной группы, с другой стороны, каждый ее элемент, в том числе культовый комплекс, – также система более низкого уровня.

Есть доказательства движения, развития, казалось бы, застывших остатков древних систем – археологических культур и типов¹¹. К их числу относятся фик-

сации событий, событийных временных рядов, относительная и абсолютная хронология, весьма развитая в последние годы.

В 1970-е гг. некоторые археологи, в частности В. М. Массон¹² и Г. С. Лебедев¹³, увидели возможный выход из первого этапа проблемной ситуации в применении системного подхода. Оба автора вскоре убедились в том, что системный подход оправдан лишь при наличии содержательных концепций, отражающих специфику развития социальных систем, их элементов и структур. Такие содержательные концепции для понимания культуры как системы были разработаны в 1960–1980-х гг. отечественными философами. Теория предметно-практической деятельности¹⁴ была применена для объяснения природы вещи – одного из основных элементов в археологической практике¹⁵. Для объяснения природы *знака*, в том числе вторичной знаковой системы, с которой имеет дело археолог (орнамент, наскальные изображения, культовые предметы), содержит философский принцип отражения¹⁶.

В конце XX – начале XXI в. многие исследователи на основании археологических источников обратились к анализу проблем духовной культуры. Но методологические разработки 1930-х, 1960–1980-х гг. для расшифровки памятников духовной культуры оказались неустраиваемыми. Под влиянием идей К. Леви-Стросса¹⁷ системный подход в исследовании археологов сменился структурным, в котором отсутствовала идея движения, развития. Теория отражения была заменена концепцией информации – разделом теории отражения, рассчитанным на анализ управленческих и технико-технологических систем.

Попыткой выхода из очередного этапа проблемной ситуации была разработка методов исследования. По инициативе омских ученых в течение более 10 лет ежегодно на международных семинарах обосновывались научные основания метода интеграции¹⁸. Для исследования духовных процессов ранних обществ весьма «работающим» оказался семиотический метод (В. И. Топоров, Ю. М. Лот-

¹¹ См.: Каменецкий И. С., Маршак Б. Н., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975.

¹² См.: Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.

¹³ См.: Лебедев Г. С. Археологический тип как система признаков // Типы в культуре. Л., 1979.

¹⁴ См.: Батищев Г. С. Деятельностная сущность как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969; Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.

¹⁵ См.: Викторова В. Д. Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989.

¹⁶ См.: Мегрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1973; Мамардашвили М. К. Формы и содержание мышления. М., 1968.

¹⁷ См.: Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

¹⁸ См.: Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002.

ман). Думается, что при анализе культовых памятников следует привлечь как достижения методологических разработок 1930-х, 1960–1980-х гг., так и методы интеграции и семиотики.

Культовые памятники, их местоположение

До сих пор остается дискуссионным вопрос, какой памятник можно считать культовым. Более или менее это понятно, когда мы имеем дело с некрополями или наскальными изображениями. По поводу выделения святилищных комплексов есть несколько точек зрения.

Одно из наиболее распространенных определений несет в себе частицу «не»: памятник и находки с него не имеют признаков жилища или поселения, не похожи на мастерскую, разработку камня или руды, это не остатки сезонной стоянки или места разделки туш животных.

Существует определение культовых мест по совокупности специфических признаков: местонахождение объектов и предметов в необычном или неудобном для жилья месте, сочетание необычных объектов с ритуальными предметами. К. М. Свириным к числу наиболее важных признаков святилища отнес предмет поклонения, культовые сооружения и жертвы¹⁹.

Есть еще один метод определения культовых памятников – интеграционный: сопоставление «неопознанных» археологических объектов с культовыми памятниками, известными в этнографии²⁰. Ряд правил этого метода (памятники должны быть близки по ландшафту, а население – по формам хозяйственной деятельности и культурным традициям) позволяет для анализа памятников Среднего и Северного Зауралья обратиться к этнографии манси. Из монографии И. Н. Гемуева и А. В. Бауло узнаем, что культовое место может быть в каждом доме (в углу или у стены напротив входа, а также на чердаке). Женские культовые места расположены около определенных деревьев. Существуют родовые святилища в кедровых рощах и на горах. Жертвоприношения происходят на некоторых священных мысах и берегах священных озер²¹. Важно отметить, что

подъем на сакральную гору возможен только в определенное время, и движение по сакральной тропе возглавляет хранитель святилища. З. П. Соколова отмечала, что люди фратрий пор и мось двигались к одному и тому же святилищу по двум разным тропам.

Думается, что все три определения культового места могут быть востребованы. В определенной степени их объединяет и дополняет системный подход. Культовый памятник – отражение элемента системы более высокого уровня и, как уже говорилось выше, отражение самостоятельной системы.

Есть определенные закономерности в выборе места сооружения святилища. Л. С. Марсадолов выделил ряд таких закономерностей для степных и горных районов Саяно-Алтая эпох бронзы и железа. К их числу автор отнес особенности гористого ландшафта (наличие скального выступа для нанесения рисунков, наличие удобного подхода к святилищу, определенные формы горного рельефа на склонах, вертикальная структура взаимоотношений культовых памятников), азимуты святилищных комплексов на восток, а погребальных – на запад, корреляцию центра со значимыми астрономическими направлениями²². В условиях степи важен метод выбора сакрального центра при круговой ландшафтной панораме.

Расширим представление об этих закономерностях – факторах выбора сакрального пространства, опираясь на памятники лесной и степной полосы Зауралья различных эпох. Думается, что при иерархическом характере системы «община» ведущими будут два взаимосвязанных фактора – образ жизни конкретной общности и ландшафт как система окружающей геобиологической среды.

При бродячем образе жизни населения эпохи верхнего палеолита и начального этапа эпохи мезолита древнейшими памятниками Урала будут пещеры (Капова, Игнatieвская, Камень Дыроватый). У кочевников лесостепи и степей Урала культовые места связаны с некрополями или отдельными могилами с жертвенниками²³.

При оседлом образе жизни

¹⁹ См.: Свиринов К. М. Святилища-жертвенники на территории Восточной Европы VII–XIII вв. // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия «История». 2007. Вып. 4. С. 48.

²⁰ См.: Косарев М. Ф. О палеоэтнографическом подходе в историко-археологическом исследовании (ритуально-обрядовый аспект) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005.

²¹ См.: Гемуев И. Н., Бауло А. В. Святилища манси верховьев Северной Сосвы. Новосибирск, 1999.

²² См.: Марсадолов Л. С. Общие закономерности при выборе места в окружающем ландшафте для культовых объектов Саяно-Алтая во II–I тыс. до н. э. // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007.

²³ См.: Боталов С. Г. Каменные изваяния и жертвенно-поминальные комплексы Урало-Ишимского междуречья // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.

каждая община располагала освоенным пространством с определенными границами. Для населения лесной полосы эпох мезолита-неолита это были берега озер или устьев рек, поскольку ведущей формой хозяйства являлось рыболовство. Соответственно культовые памятники эпохи *мезолита* располагались на островах озер (Вершина I, на острове Каменные палатки палеозера Романовского, Шайтанский шихан на острове Шайтанского озера)²⁴. В эпоху неолита сакральные холмы также обустраивались на берегу водоемов (Кокшаровский холм у озера Юрьинского, Усть-Вагильский холм в устье реки Вагиль)²⁵.

В эпоху *энеолита*, когда началось наиболее интенсивное заболачивание озер, основной формой хозяйства стала охота. В это время в горно-лесной полосе Урала обряды начали проводить на горах. К таким памятникам относятся святилища Сагра 2 и Северское, верховой тоннель Лунный, семь дольменов в верховьях Исети²⁶. В равнинной части Зауралья для сооружения святилищ использовались останцы²⁷. По традиции культовые памятники в этот период продолжали возводить и по берегам озер (тоннель Палатки I, Кокшаровский и Усть-Вагильский холмы). Можно предположить, что, ввиду заторфовывания озер на ряде водоемов в заболоченной части, начали строить помосты – сакральные деревянные площадки²⁸.

Следующий фактор размещения культовых мест связан с тем, для системы какого уровня предназначался обряд. В доме одной семьи для культового места отводилась небольшая территория в одном из углов. Такой факт отмечен в жилище на поселении Исетское Правобережное I эпохи неолита²⁹. Культовое место обнаружено в северо-западном углу жилища эпохи бронзы на памятнике Палатки I. При строительстве этого жилища под лежанкой, видимо для благополучия дома, были оставлены жертвоприношения³⁰. Вполне вероятно, что такие культовые места существовали в каждой постройке эпох неолита – позднего железного века, но они далеко не всегда сохранились или не всегда на них обращали внимание.

Для проведения обряда, рассчитанно-

го для родовой группы общины, необходимо, чтобы пространство культового места было достаточным для участия всех взрослых членов общины или только мужчин и юношей, прошедших инициацию. В этих случаях, в зависимости от сложившихся традиций, место для обряда определялось за пределами поселения. На острове Каменные палатки это были культовое место мезолитической культуры, боборыкинской культуры эпохи неолита, липчинской, елизаветинской культур эпохи энеолита³¹, березовской культуры эпохи бронзы, иткульской культуры раннего железного века. По традиции населения аятской культуры эпохи энеолита культовое место было в некотором отдалении от поселения, на его юго-восточном краю³², а у металлургов исетской культуры – в центре металлургических площадок³³. Охотники времен камня и позднего железного века проводили обряды у подножия скал с изображениями мифов.

Для лица, ведущего обряд, выбирались, а в некоторых случаях обустраивались *площадки*, где мог поместиться только один человек. Это были овальной формы глиняные площадки, окруженные рвом, – на святилище аятской культуры – поселения Палатки I; площадки малого размера – на культовом памятнике Вершина I раннего железного века у фигуры птицы (рис. 3); святилище позднего железного века на Белой скале.

Следующий фактор определения места для ритуалов – ориентировка его объектов по странам света³⁴. Астрономические ориентиры были отмечены на памятниках Зауралья с эпохи неолита. На святилище боборыкинской культуры установлено, что определенное значение имели все четыре азимута стран света (рис. 4, 5), на аятском святилище – направление С.-Ю., входы в камеры всех открытых дольменов ориентированы в направлении 3. или С.-З.

Еще один фактор – культовые памятники одной археологической культуры, но разного назначения, могут распределяться один относительно другого в вертикальном или диагональном направлениях. Подобная структура могла быть связана с представлениями о трехчастной по-

²⁴ См.: Сериков Ю. Б. Культовый памятник нового типа на западном берегу Шайтанского озера // Учен. зап. Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад. 2004.

²⁵ См.: Шорин А. Ф. Святилище на холме // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 87.

²⁶ См.: Викторова В. Д. Загадки Верх-Исетского гранитного массива // Вестн. УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2010. № 4 (34). С. 107–117.

²⁷ См.: Потемкина Т. М. Археoaстрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения // Рос. археология. 2005. № 3; Дрябина Л. А. Пространственно-временная модель мира святилища Велижаны 2 // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2003. № 3.

²⁸ См.: Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала: из истории звериного стиля // Тр. Гос. ист. музея. 1940. Вып. 10.

²⁹ См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха камня) // Вестн. УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2007. № 4 (22). С. 53–65.

³⁰ См.: Викторова В. Д. Новации и традиции в культурах древнего населения верховьев реки Исети (эпоха раннего металла) // Там же. 2008. № 1 (23). С. 31–45.

³¹ См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Новации и традиции...

³² См.: Там же.

³³ См.: Викторова В. Д. Структура сакрального пространства святилищ раннего железного века // Археология Арктики: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящен. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Салехард, 2012.

³⁴ См.: Потемкина Т. М. Археoaстрономический аспект...; Зданович Д. Г., Кириллов А. К. Курганные памятники Южного Зауралья: археоaстрономические аспекты исследования. Челябинск, 2002.

вертикали мифологической картине мира. Такое расположение памятников эпох энеолита – бронзы – раннего железного века отмечено на острове Каменные палатки. Следы ритуалов населения всех трех эпох сохранились у входа в тоннель, расположенный на берегу палеоозера, у основания острова. Очевидно, вода и вход в тоннель соответствовали представлениям о Нижнем мире. Средний мир мог ассоциироваться с С.-З. площадкой острова, где располагались поселения эпох энеолита и бронзы и металлургические комплексы раннего железного века. Следы обрядов, вероятно связанные с представлением о Верхнем мире, производились на вершине Западной гряды, рядом с чашей природного происхождения.

Системный подход к анализу культовых памятников

Определив, при учете всех факторов, возможные места проведения ритуалов, рассмотрим культовое место как следы, «срезы» относительно самостоятельной системы. Начнем со следа системы кочующего населения в пещере и «среза» обрядовых действий в пределах сакральной горы.

Возможно, сакрализация первого элемента – *пути* к месту основного ритуала – сложилась еще в эпоху верхнего палеолита. Достаточно вспомнить, что путь от входа в Игнatieвскую пещеру до первых рисунков на стенах тянется на 23 м³⁵. Логика этих сакральных путей определяется морфологией пещер³⁶. На пути могут встречаться всевозможные препятствия: ямы и крутые подъемы, трещины.

Иное дело – сакральный путь на гору. Он чаще всего определен человеком, ведущим обряды. На сакральных горах Верх-Исетского гранитного массива путь к культовым памятникам нередко маркирован менгирами (рис. 6). Подобные ориентиры встречены по дороге к святилищам Сагра 2, Вершина I, к верховым тоннелям Лунный и Вагановский, дольменам Романовский 2, у Чертова городища. Путь на гору может быть и непростым – подъем на святилище Белая Скала на протяжении 10 м идет вверх по узкой трещине. Труднее определить путь к ос-

новному ритуальному месту на равнинных памятниках, в том числе торфяных, но можно попытаться найти хотя бы вход к нему.

В зависимости от цели, назначения обряда соотношение *объектов* в пределах сакрального пространства может быть понято как временной ряд последовательности ритуалов, проводимых в процессе *движения* во время инициаций в пещерах. Обряд мог состояться в относительно замкнутом сакральном пространстве. В этом случае оно может иметь видимые (ров, ограда, выходы скал) или невидимые *границы*.

Основным элементом обряда является *объект почитания*, к которому обращены все остальные ритуальные действия. Начиная с эпохи мезолита объектом почитания мог быть дух предка-тотема. К эпохе энеолита, судя по наскальным изображениям, число почитаемых духов увеличилось, а преклонение, возможно, соответствовало различному рангу духов. Образ духа-тотема – прародителя – мог быть природной фигурой из гранита (череп лося или коня на острове Каменные палатки – рис. 7). Он мог быть представлен рукотворными фигурами: медведя в эпоху мезолита, голов медведя и лося в эпоху энеолита, головой хищной птицы в эпоху раннего железного века (см. рис. 3). Прочие духи (леса, охоты) имели антропоморфный облик, но вместо головы у них были рога. Возможно, в некоторых обрядах почитаемый объект был воображаемым, и его следы на святилищах отсутствуют.

Контакт с объектом почитания устанавливался при помощи принесения *жертв*³⁷. В зависимости от значимости (ранга) духа жертвы могли быть кровавыми и бескровными, обильными и единичными, одновременными и периодическими. Единоновременными и бескровными были жертвоприношения при сооружении лежанки в жилище коптяковской культуры. Единовременным и кровавым, по всей вероятности, было жертвоприношение мальчика у входа в святилище этого же жилища. Очевидно, периодическими кровавыми (кости животных, птиц и рыб) и бескровными (подвески,

³⁵ См.: Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.

³⁶ См.: Филиппов А. К. Наскальные изображения Каповой пещеры в системе мифологических представлений // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М., 1990.

³⁷ См.: Жертвоприношение в арханке: атрибуция, назначение, цель. СПб., 2012.

амулеты, кусочки охры) были жертвоприношения в эпоху энеолита духам Нижнего мира на западном мысу острова Каменные палатки. Там расчищены восемь скоплений кальцинированных косточек с включением предметов.

Одним из основных способов донесения жертв до духа/духов был *огонь* и дым от него. На западном мысу острова Каменные палатки от горения сохранилась яма, заполненная золой и гранитной дресвой. При обрядах металлургов жертвенный огонь разводился в ритуальном горне³⁸. Но чаще всего от жертвенного огня сохранились только линзы прокаленной почвы.

Места приготовления жертвенной пищи представлены *костровищами* и *чаши*, выдолбленными в пределах сакрального пространства святилищ. На острове Каменные палатки подобные чаши находятся у входа в тоннель, у фигуры лося и на спине фигуры хищной птицы. Чаши обнаружены рядом с четырьмя дольменами и около тоннеля Лунного.

Следующим элементом обряда и соответственно культовых комплексов является *охра*. Охра как символ крови-жизни использовалась в различных вариантах. В виде розового и красного порошка она пронизывала на 20 см почву на мезолитическом святилище Вершина I. На неонеолитических поселениях мелкие кусочки охры встречаются в ямках, а также в тесте ритуальных сосудов. В виде палочки-карандаша она, очевидно, использовалась для окраски лица и тела при ритуалах. Таким «карандашом», возможно, наносились наскальные рисунки. Кусочки охры сопровождали погребения и жертвоприношения.

Необходимым элементом обрядов являются *предметы*³⁹. Чаще всего они изготавливались специально и были ритуальными, но в обряде могли использоваться и утилитарные вещи (стрелы). Знаком отличия человека, ведущего обряд, являлся жезл или посох. *Навершия* жезлов из кости, дерева, камня известны из коллекций с Кокшаровского холма, поселения Евстюниха, Исетского Правобережного I, Палатки I и II, Шигирского и Горбуновского торфяников. Это были фигуры или

головы лося, медведя, изделия ромбической, овальной, округлой формы.

В неонеолитическое время вторым предметом ритуального назначения с уже перечисленных памятников были *утюжки* – предметы ромбической и овальной формы с поперечным желобком.

Следующий вид предметов – *ритуальные сосуды*. В эпоху неолита к ним относятся емкости, имеющие фигурные налеты, с Кокшаровского и Усть-Вагильского холма, сосуд с поселения Исетское Правобережное I. К этому же времени принадлежат сосуды с мифологическим текстом о горе, поднимающейся из лона вод (поселения Евстюниха и Исетское Правобережное I). На ритуальных сосудах с боборыкинского святилища с памятника Палатки I изображено другое представление о возникновении земли: «золотой зародыш» – источник возникновения «всего сущего» опускается в струях вод.

Еще один вид предметов – кусочки и изделия из хрусталя, цветной яшмы и халцедона. В эпоху верхнего палеолита хрустальный комплекс известен с памятника Большие Аллаки⁴⁰. В эпоху энеолита халцедоновый наконечник стрелы был помещен в прокол святилища Сагра 2. Хрустальные предметы и халцедоновые наконечники стрел найдены на памятнике Палатки I.

Одним из элементов святилищных комплексов являются *хранилища* ритуальных предметов. В жилищах это могли быть постаменты в виде камней, на которых помещались ритуальные предметы (Исетское Правобережное I). В культовых комплексах поселений хранилищами служили специальные ритуальные постройки (святилища боборыкинской и аятской культур на памятнике Палатки I). В постройке последнего, наряду с ритуальными сосудами, в ямке и канавке находились куски охры, а у костровища лежало навершие жезла.

Для осуществления обряда необходимы были *место* для лица, проводящего его, и площадка для остальных участников ритуальных действий. Иногда соответствующие места можно определить. На святилище боборыкинской культуры па-

³⁸ См.: Викторова В. Д. Структура сакрального пространства святилищ...

³⁹ См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Новации и традиции... С. 58, 59.

⁴⁰ См.: Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере...

мятника Палатки I расчищены две глинобитные площадки почти прямоугольной формы красного и серо-желтого цветов размерами 0,8 x 0,68 и 1,2 x 0,4–0,6 м (см. рис. 4). На площадках не было находок, но у северного основания второй площадки лежали раздавленный ритуальный сосуд и *утюжок*. Можно предположить, что площадки предназначались для лиц, совершавших ритуал.

В эпоху энеолита человек, ведущий обряд, по-видимому, стоял на глиняном помосте овальной формы, окруженном канавкой⁴¹. В раннем железном веке (исетская культура) для проведения ритуала персонажу отводился тамбур перед ритуальной печью. Тамбур был огорожен канавкой и стоячими камнями⁴². Площадка для участников обряда, как правило, не имела следов, но для понимания уровня проводимого обряда ее наличие необходимо учитывать.

Итак, используя системный подход и опираясь в основном на целиком раскопанные культовые памятники верховьев Исети, можно сделать следующие выводы. Сакральное пространство культовых памятников, как правило, имеет границы (гора, остров, холм, останец, площадки). В пределах этих границ могло размещаться до десяти элементов: путь, объект поклонения, жертвы, огонь, охра, ритуальные предметы, хранилища предметов, место приготовления жертвенной пищи, место для лица, ведущего обряд, и площадка для участников обряда. На памятниках различных эпох и археологических культур могут присутствовать далеко не все перечисленные элементы. Полагаем, что обязательно наличие четырех из них: объекта поклонения (как в материальном воплощении, так и в воображаемом), остатков жертв, огня и ритуальных предметов. Желательно определить место лица, проводившего ритуал. Эти элементы составляют ядро, вокруг которого выстраиваются дополнительные элементы. Связи между элементами воспроизводят структуру сакрального пространства: горизонтальную, вертикальную, симметричную, диссимметричную, концентрическую с центром и периферией.

Проверка «работы» модели

Попробуем при помощи системного подхода совершить инверсию – повернуть время на 9–10 тысячелетий назад. Тогда население эпохи мезолита освоило северо-западную часть острова Каменные палатки. На мысовидном выступе Западной гряды было обустроено святилище (рис. 8). Полагаем, что в сакральное пространство входил весь этот выступ.

Путь с поселения к святилищу, в соответствии с геометрией ландшафта, сначала шел на восток, потом по ложбине поднимался к северу. Около природной фигуры с выпукло-вогнутыми поверхностями, напоминающей медведя (рис. 9), дорога сворачивала к западу, вверх по склону до площадки размером около 18 м². *Границу* площадки с юга и севера составляют выходы скал, с запада – крутой склон, а с востока – склон более пологий. *Объекты почитания* расположены по горизонтали, симметрично по отношению к центру, где почти не было находок. Предположительно в центре могло находиться *место* лица, ведущего обряд. В северо-западной части площадки, почти рядом с крутым склоном, расположен *объект* почитания в виде гранитной фигуры стоящего медведя. Длина фигуры 42 см, высота 23 см. Она была углублена в землю на 20 см и с плоской оборотной стороны подпиралась блоком. Изображение зверя выполнено в каменном стиле⁴³, когда плитка, возможно пикетажем, рельефно обрабатывалась с одной стороны, обращенной к лицу, производящему обряд. Фигура изображена в профиль, головой на юг. Четко выделена голова, желобком обозначена передняя лапа медведя (рис. 10). Объект стоит у основания большой линзы почвы розового цвета размером 2 x 1,1 м, пропитанной порошком *охры*. В этой линзе фигуру с двух сторон окружают следы бескровного *жертвоприношения* в виде микропластин.

В противоположной, юго-восточной, части площадки находились второй *объект почитания* в виде гранитной фигурки, напоминающей голову медвежонка (рис. 11), и еще одна фигура, расщепленная надвое. Оба изображения были в

⁴¹ См.: Викторова В. Д., Кернер В. Ф. Новации и традиции...

⁴² См.: Викторова В. Д. Структура сакрального пространства святилищ...

⁴³ См.: Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.

пределах охристой почвы размером 2,4 x 0,5–1,1 м (рис. 12). В составе линзы и на поверхности южного камня залежали микропластины – следы жертвоприношений.

Основной материал микролитического инвентаря – яшма, кремль, кремнистый сланец и халцедон. По определению Ю. Б. Серикова, среди 80 микропластин есть 28 сечений правильного ограничения (очевидно, от вкладышевых орудий), а также четыре пластины с ретушью утилизации, два резца, три резчика, острие и скребки (рис. 12).

Итак, в данном случае мы имеем следующие характеристики сакрального пространства эпохи мезолита как отражения системы обряда. Святилище было помещено на южном острове палеоозера, в

стороне от жилого пространства. У него есть определенные границы – южный мыс первой ступени западной гряды. Присутствуют почти все основные элементы системы: путь, объекты почитания, следы бескровных жертвоприношений на местах, пропитанных порошком охры, предполагаемое место персонажа, проводившего обряд. Структура сакрального пространства на первый взгляд выглядит как симметричная взаимосвязь элементов. На самом деле она дисимметрична как по возрасту объектов почитания, так и по размерам охристых линз и количеству микропластин, принесенных в жертву. Подобная структура настраивает на предположение, что на площадке могли совершаться разные и разновременные обряды.